

Мистеру Хауэллу,
моему учителю в пятом классе.
Помните, я обещала: первая книга
будет для Вас

Однажды кое-что случилось. А не случилось бы — и рассказывать было бы нечего.

К западу от Чёрного моря лежит прекрасная страна с древними лесами, реками и длинной горной грядой. Страна эта зовётся Румыния, и о ней пойдёт мой рассказ. Когда-то Румынией правили князья, короли и даже римские императоры. Но не так давно власть оказалась в руках коммунистической партии, которая нечестным путём провела выборы и сделала предводителем тщеславного самолюбца.

Поначалу народ Румынии верил, что жизнь изменится к лучшему. Новый глава государства был из простых людей, как и многие граждане, — когда-то он жил в деревне и работал подмастерьем сапожника. Правитель обещал привести страну к процветанию,

и, вероятно, так и собирался сделать. Но власть за-
владевала им всё больше и больше и в конце концов,
как часто бывает, поглотила его целиком.

Правитель стал устраивать парады в свою честь.
Взял под контроль прессу, телевидение и радио, что-
бы они говорили только то, что ему по нраву. Он раз-
рушил церкви и больницы и вынудил сорок тысяч
человек покинуть свои дома в Бухаресте, чтобы он
мог построить для себя одного великолепный дво-
рец с винтовыми лестницами, мраморными полами
и туалетом из чистого золота.

При таком правителе народ Румынии обнищал
и впал в отчаяние. Детские приюты были перепол-
нены. Бензин, воду и электричество пришлось стро-
го нормировать. Каждый день люди часами стояли
в очередях, просто чтобы купить еды, а иногда и по-
купать было нечего. Но хуже всего была тайная по-
лиция, Секуритате, которая вынуждала людей шпи-
онить за соседями и друзьями и доносить обо всём
правительству. Иногда агенты Секуритате даже по-
хищали, пытали и убивали тех, кого считали угрозой.

Люди жили в постоянном страхе: они не знали
наверняка, кто за ними следит. Опасность таилась
везде: нельзя было читать запрещённые книги, слу-
шать запрещённую музыку, смотреть запрещённые
фильмы.

Но опаснее всего было писать. Если написать за-
претные слова, если рассказать запретную историю,
можно было попросту исчезнуть.

Папа вернулся домой из университета с бледным осунувшимся лицом, будто заболел. Бросив портфель на пол в кухне, он оперся о раковину и сказал:

— Он пропал. Они его убили.

Мама, сидевшая за столом, отложила журнал «Фемия», который читали все женщины Румынии. Затем глянула на меня, встала, сняла с папы шляпу и повела его в их комнату. Дверь за ними тихо закрылась.

Была середина июля 1989 года; электричество в Бухаресте работало с перебоями и часто отключалось. Мы жили в многоэтажке, и в квартире было очень жарко — мы тушились в собственном соку, как голубцы в сотейнике. Поэтому балконные двери всегда были открыты настежь — чтобы по комнате гулял ветерок.

Я распласталась в зале на полу. Рядом лежала Большая Книга, и от тёплого дуновения страницы с моими историями тихо шелестели. Отложив цветной карандаш в сторону, я прислушивалась к звукам по ту сторону стены, и с каждой секундой сердце у меня билось всё чаще.

Наша квартира была очень маленькая, с порога её можно было охватить одним взглядом: балкон, где мы сушили выстиранную одежду; зал с кухней; крошечная ванная с туалетом, моя комната и родительская спальня. Мама говорила — не при папе, который пресекал такие разговоры, — что если нас опять заставят переехать, то наша семья со всеми пожитками поместится в шкаф. Мама скучала по нашей старой квартире со столовой, кладовкой для продуктов и угловым кабинетом, где стояло её пианино. Я не помнила ту квартиру: когда мы съехали, я была ещё совсем маленькой. Но я знала, что родители смогли взять с собой только то, что получилось унести. Им дали на сборы всего день.

Пока я сидела в зале, напряжённо вслушиваясь в голоса за стеной, в голове крутилось, что теперь нас ждёт ещё один переезд. Что-то сильно напугало папу, и из-за этого нам придётся собрать вещи и уехать. Интересно, следующая квартира будет ещё хуже этой? Когда Вождь разрушил наш прежний дом, чтобы построить себе дворец и широкий бульвар, мы, как и все остальные, оказались в одной из жутких блочных многоэтажек, совершенно одинаковых и тесно при-

жатых друг к дружке. Иногда я представляла, как моя семья жила раньше: в кладовке полки ломились от буханок хлеба и банок с вареньем, папины книги стояли рядами на стеллажах от пола до потолка. В моих фантазиях у нас всегда было вдоволь еды, а горячая вода текла из крана не только в субботу вечером. Мы могли купаться когда угодно, даже зимой и даже при отключенном центральном отоплении.

Но я собирала истории, и выдуманные, и настоящие.

И умела отличить правду от вымысла.

У моей семьи никогда не было вдоволь еды. И воды горячей тоже не было, и света, и много места, где жить. В свои десять лет я уже замечала, что все, и я в том числе, говорили о прежних временах каким-то особым тоном и особыми словами. Раз мы верили, что раньше жилось лучше, то могли и представить, что всё наладится вновь. Так мы выживали.

Из-за двери родительской спальни слышался глухой стук — будто кто-то ударил кулаком по комоду. Я подскочила, когда шум раздался снова. Приглушённые звуки докатывались до меня волнами: громкий голос папы, шиканье мамы. Я знала, что она просит его говорить потише не из-за меня, а из-за соседей, которые могли подслушивать за стеной, кто угодно мог случайно оказаться на лестничной клетке, остановиться и достать ручку и блокнот. Всегда лучше держать в уме, что кто-нибудь может подслушивать.

Когда дверь в родительскую спальню наконец открылась, я притворилась, что пишу в Большой Книге, — чтобы родители не заметили, как мне страшно. «Сын пекаря» — моя новая история, пересказ одной истории, которую нам рассказывали в школе. Но я не могла сосредоточиться на словах. Родители начали молча накрывать на стол к ужину, а я поглядывала на них украдкой. Пытаясь не гадать, кого убили, я принялась рисовать батоны золотисто-коричневого хлеба на полях первой страницы. Но когда солнце село, в тусклом свете все яркие краски Большой Книги стали мерзко-серого цвета, поэтому я подняла её с пола и отнесла на диван.

Электричество до сих пор не дали, и в тёмном экране телевизора я видела только своё отражение. Но всё равно села и стала тарашиться в экран. Я слегка повеселела, вспомнив свои любимые фильмы, хоть и знала, что посмотреть их больше не получится.

Раньше у нас работало два канала, и по ним весь день шли передачи. Мама до сих пор иногда вспоминает американское телешоу с мужчиной в ковбойской шляпе, где в конце кто-нибудь обязательно ловил пулю или взрывался в машине. Но сейчас у нас остался всего один канал, который включают только на два часа в день. И таких телешоу больше не показывают. Обычно по телевизору идёт что-нибудь скучное: записи обращений Вождя к народу; съезды коммунистической партии — крошечные человечки на экране вместе что-то скандируют и одновременно

вскидывают кулаки; трансляции, в которых гражданам дают рекомендации по «рациональному питанию» или вежливо напоминают о начале комендантского часа.

Впрочем, по воскресеньям показывали анимационные фильмы, и можно было застать целых пять минут какого-нибудь мультика. Все, кто имел телевизор, старались не пропускать время показа. Прощлым летом я таким вот образом посмотрела все серии «101 далматинца» и потом хвасталась ребятам в школе. В этом году шли «Коты-аристократы», и в последней серии бедные котята оказались где-то за городом одни и сильно испугались. Следующую пятиминутную серию покажут только на выходных, но, если дадут электричество, возможно, наша самодельная антенна поймает какую-нибудь интересную болгарскую телепередачу и мы все вместе сядем её смотреть. И, как всегда, забудем обо всём плохом.

Похоже, сегодня мне повезло: когда мы сядили за стол, дали электричество.

— Можно мне включить вентилятор? — спросила я папу.

Иногда он не разрешал. Если превысить лимит на электроэнергию, придётся платить высокий налог. Но сегодня папа даже не посмотрел на меня, только махнул рукой — я это приняла за согласие — и сел за стол. Морщины вокруг его глаз за большими стёклами очков стали как будто глубже, и я встревожилась: вдруг он и правда заболел?

Вернувшись за стол, я подставила голову под поток воздуха от вентилятора, чтобы ветерок трепал волосы, и, опустив взгляд в тарелку, ковырнула вилкой еду. Пирог с баклажанами и картофелем, без мяса. Очередь в мясной отдел была слишком длинная. Человек, следивший за порядком в длинной веренице людей, сказал нам с мамой, что придётся ждать пять, а то и шесть часов, чтобы получить по карточке нашу норму. Я думала, мама предложит нам стоять по-сменно, но мы просто пошли домой.

Откусывая понемногу от куска чёрствого хлеба и отодвигая вилкой баклажаны к краю тарелки, я изо всех сил старалась не жаловаться. Папа всё ещё молчал. Вид у него был по-прежнему болезненный, я то и дело поглядывала на его лицо. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь из родителей заговорил. Я знала, что они не расскажут, кто убит и почему, — они и раньше не рассказывали, но чем дольше мама с папой молчали, тем больше мне не терпелось узнать — ведь наверняка это был кто-то важный.

Не вытерпев, я попыталась привычным способом заполнить тишину — рассказать историю.

— Хотите послушать новую историю?

— Лучше в другой раз, — сказала мама.

В животе у меня ёкнуло. Кровь прилила к щекам. Родители никогда не отказывались меня слушать.

Я снова принялась ковырять вилкой еду и гадать, кто же умер. Мне стало страшно. Раньше так

никогда не было. Раньше папа не придавал этому такого значения.

Папа отложил вилку.

— Так вот чем ты сегодня занималась? Истории писала?

Я подумала, он сердится, что я не делаю задание на летние каникулы, поэтому быстро ответила:

— Это школьная история. Госпожа Думитру рассказала нам её перед каникулами.

— В другой раз, — повторила мама, и теперь я уловила в её тоне предостережение.

— Нет, я хочу послушать. Хочу знать, что они рассказывают моей дочери. Хочу знать, о чём она пишет.

Я вжалась в стул, переводя взгляд с мамы на папу. Тут пробили часы, и я спросила:

— Можно мне выйти из-за стола?

Мама глянула на мою тарелку, нахмурилась, но кивнула.

— Отнеси посуду в раковину. И выключи вентилятор — простудишься.

— Так что насчёт рассказа? — напомнил папа.

— Я забыла, что не дописала его, — соврала я.

Наполнив раковину мыльной водой, я включила телевизор и села на продавленный диван. По чёрному экрану шли помехи. Я глянула на балкон: может, кто-то забрался на наш этаж и украл антенну? Но нет, ничего такого. Я обернулась к родителям. Меня одолевали сомнения. Мама мыла посуду, опустив руки

по локоть в воду, папа помогал вытирать. Оба по-прежнему молчали — это был плохой знак.

Обычно после ужина мне приходилось включать телевизор погромче: мама любила петь, а папа всегда принимался подпевать, хотя ему медведь на ухо наступил. Или же они болтали о работе.

В старой квартире мама давала уроки музыки на дому. Но, оставшись без пианино, она устроилась на работу секретаршей. Теперь мама возилась с бу-мажками, отвечала на звонки и перепечатывала на машинке копии документов, поскольку копировальные машины были под запретом. Иногда работы было так много, что ей приходилось запрашивать особое разрешение, чтобы забрать печатную машинку домой.

— У меня самая ужасная работа на свете, — говорила мама.

— По крайней мере, безопасная, — отвечал папа.

Папа был профессором в Бухарестском университете, он читал лекции по литературе и литературной композиции. Сам он писателем не стал, но истории любил почти так же сильно, как я, поэтому всю жизнь учился их слушать. Он умел проникать в самое сердце истории и понимал, отчего оно забьётся, а отчего остановится. И этим даром папа поделился со мной.

Если после ужина папа не пел или не разговаривал с мамой, то, как правило, терпеливо обсуждал со мной новые идеи для рассказов. А когда отключали электричество и мы не могли посмотреть телевизор,

папа зажигал свечу, я приносила ему очки для чтения и мы уютно устраивались на диване с книгами.

Обычно после ужина наша семья находила какие-нибудь поводы для радости, даже в самые трудные времена. Но сегодня папа молчал. Он сгорбился как старик — или как будто на плечах у него лежал мешок с камнями. И хотя кухня находилась совсем рядом и до папы было рукой подать, казалось, он далеко-далеко, в сотне километров от меня.

И то, что его терзало, стало терзать и меня.

Я подползла к телевизору и принялась крутить переключатель каналов, пытаюсь поймать болгарский. Мы не говорили по-болгарски, но передачи у них получше наших. Когда показывали «Колумбо», папа иногда притворялся, будто понимает, о чём там речь: придумывал какие-нибудь глупые реплики, и мы все смеялись как сумасшедшие. Если и сегодня так выйдет, жизнь станет прежней, и будет уже неважно, кто там умер, и всё будет как всегда.

— Мам, по телевизору ничего нет! — крикнула я, теряя последнюю надежду.

Мама бросила взгляд на часы.

— Тогда смотри новости.

— Мам, ну пожалуйста.

Она вытерла руки, шумно вздохнула и вышла на балкон покрутить антенну. Когда мама вернулась, по экрану по-прежнему шли помехи, поэтому она переключила канал на вечернее государственное вещание.